

Лисник Марина Владимировна

**ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНВЕРСИИ В РОМАНЕ Ф. САГАН
"ЗДРАВСТВУЙ, ГРУСТЬ!" КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ ИРОНИИ**

В данной статье раскрывается содержание понятия "инверсия" как литературоведческой категории, как принципа, действующего в художественном произведении. Прием инверсии исследуется в статье применительно к роману французской писательницы Франсуазы Саган "Здравствуй, грусть!". Основное внимание автор статьи акцентирует на лингво-стилистическом анализе лексико-грамматических характеристик принципа инверсии в романе с целью выявления способов выражения авторской иронии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/1-1/22.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (31): в 2-х ч. Ч. I. С. 79-86. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

17. Савицкий В. М., Абрамов В. Е. Глаголы действия и их дериваты: лингвокогнитивный подход. Самара: Изд-во НЦ РАН, 2005. 134 с.
18. Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. 461 с.
19. Fleischer W. Die Modellierbarkeit von Phraseologismen – Möglichkeiten und Grenzen // Kontroversen, alte und neue: Akten des 7. Internationalen Germanisten Kongresses. Göttingen, Tübingen: Niemeyer, 1986. Bd. 3. S. 218-222.
20. Maughan W. S. The Summing up. N.Y., 1951.

ENGLISH PROVERB CODE MODELS TYPES AND THEIR FORMALIZED DESCRIPTION META-LANGUAGE

Kyuregyan Amaliya Levikovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Samara State Technical University
amalia@samaramail.ru

Different types of the English proverb code models are considered in the article. The author proves that these models have their own structural specificity in comparison with the models of other language units, and this specificity is a logical consequence of their main social-cultural and communicative functions. In order to make the description of the above mentioned models more integral, a special meta-language is used in the article, which is a modification of the meta-language *F* and the meta-language *ALADDIN*. Also the frame models are presented that allow ascertaining proverbs analogy at the deep structure level.

Key words and phrases: proverb unit; proverb code; lexeme; frame; meta-language; structural-semantic model; proverbs.

УДК 8; 82.0

Филологические науки

В данной статье раскрывается содержание понятия «инверсия» как литературоведческой категории, как принципа, действующего в художественном произведении. Прием инверсии исследуется в статье применительно к роману французской писательницы Франсуазы Саган «Здравствуй, грусть!». Основное внимание автор статьи акцентирует на лингво-стилистическом анализе лексико-грамматических характеристик принципа инверсии в романе с целью выявления способов выражения авторской иронии.

Ключевые слова и фразы: инверсия; авторская ирония; изменение изначального положения; «антиситуации»; смещение смысловых значений; переосмысление.

Лисник Марина Владимировна, к. филол. н.
Ивановский государственный университет
marinalisnik@mail.ru

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНВЕРСИИ В РОМАНЕ Ф. САГАН «ЗДРАВСТВУЙ, ГРУСТЬ!» КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ ИРОНИИ[©]

Понятие инверсии как литературоведческой категории, как принципа, действующего в художественном произведении, мы находим в различных литературоведческих исследованиях. Изучению инверсии как «принципа организации художественного текста» посвящены статьи многих отечественных исследователей: А. С. Ахиезер [2, с. 116], Н. В. Беляк, М. Н. Виролайнен, [3, с. 109], Е. А. Чагинская [5, с. 154], Е. А. Абашкина [1, с. 13]. По определению Н. В. Беляк и М. Н. Виролайнен, «инверсия выражает единство противоположностей», а также предполагает «механическую перемену мест до полной трансформации» [3, с. 109]. Исследователь Е. А. Абашкина рассматривает в статье «Инверсия как принцип организации текста» понятие инверсии применительно к комической и сатирической литературе, генетически связывая данное понятие с культурой карнавала: «и всё, что казалось неизменным, становится своей *противоположностью*, являет собой *инверсию повседневной жизни* с ее устоявшимися, застывшими в серьезности нормами» [1, с.13]. Е. А. Абашкина определяет инверсию как «*оборачивание привычного*», которое «может приводить к утверждению истины, скрытой за привычным и знакомым» [Там же]. Возможности применения такой инверсии показаны в статье Е. А. Чагинской «От слова к образу: юродивый как инверсия соблазна». Безумие юродивого противопоставляется житейскому благоразумию и утверждается как истинное служение Богу и личный подвиг человека. ««*Переверачивание*» нормы», - по утверждению автора статьи, «выявляет ее ущербность, ее *не-истинность*» [5, с. 154].

Классификации инверсии, а также анализ ее концептуальной функции в художественном произведении, мы находим в литературно-философском исследовании уже ставшего классиком польского писателя-фантаста Станислава Лема «Фантастика и футурология» (Кн. 1). Обращаясь к «операциям», лежащим «в основе творчества в сфере фантастической литературы», С. Лем выделяет среди прочих «*операцию инвертирования*» [4, с. 284], «вариантом чего является конверсия или изменение» [Там же, с. 278]. В литературном произведении данная операция состоит в изменении изначального положения персонажей, их ролей, либо изначального положения

ситуаций, что приводит к «антиситуациям», возникшим благодаря инверсии» [Там же, с. 284]. Как следствие, такое изменение изначального положения персонажей либо ситуаций приводит к «смещению смысловых значений» или к «*семантической инверсии*» [Там же, с. 285], благодаря чему раскрывается основная идея произведения. «Инверсия», по определению С. Лема, «используется, в частности, для того, чтобы вывести читателя из равновесия, ошеломить его, атаковав незыблемые устои его миропонимания» [Там же, с. 309].

Цель данной статьи – наблюдение и анализ конкретных фактов инвертирования на лексико-грамматическом уровне языка романа французской писательницы Франсуазы Саган «Здравствуй, грусть» («*Bonjour, tristesse*», 1954) как способов выражения авторской иронии и авторского замысла.

Ирония Ф. Саган в «Здравствуй, грусть» отличается крайним драматизмом. Приём инверсии, усиливающий этот драматизм, получает в романе своё динамическое развитие и воплощает свой конечный результат: заставляет читателя, взглянув по-новому, переосмыслить такие незыблемые понятия как чувство долга, ответственности перед близкими, вопросы взаимопонимания и взаимосострадания.

В центре романа – взаимоотношения трёх персонажей: сорокалетней Анны Ларсен, семнадцатилетней Сесиль, покойная мать которой была подругой Анны, и отцом Сесиль Рэймоном. Анна Ларсен, по приглашению Рэймона, приезжает летом на виллу, где отдыхают Сесиль с отцом, и, на правах подруги покойной матери Сесиль, пытается взять на себя ответственность за дальнейшую судьбу девушки.

При всём положительном характере такого свойства человеческой личности как чувство долга по отношению к близким, чувство ответственности за них, в романе это свойство, присущее Анне Ларсен, подвергается трагической иронии. Так, например, устами Сесиль (а значит и самого автора, так как повествование романа ведётся от лица Сесиль) замечено, что «привыкнуть к недостаткам других возможно, если не считаешь *своим долгом* непременно исправлять их» (*Здесь и далее перевод автора – М. В.*): «on s'habitue aux défauts des autres quand on ne croit pas de son devoir de les corriger» [7, p. 91]. Кроме того, по словам всё той же Сесиль, «ничто не толкало» Анну «к этой роли опекуни, воспитательницы, кроме разве что свойственного ей *чувства долга*...»: «Rien ne la poussait à ce rôle de tuteur, d'éducatrice, si ce n'est le sentiment de son devoir...» [Ibidem]. Но при непоколебимой уверенности Анны в своей безоговорочной правоте («comme certains êtres <...> très sûrs d'eux» / «как некоторые люди <...> очень уверенные в себе»), при ее нетерпимости к компромиссам («Anne ne tolérait pas les compromissions» / «Анна не терпела компромиссов») она всегда будет чувствовать себя в ответе за тех, «кого приручила»: «Mais... elle se sentirait responsable de moi...» [Ibidem, p. 91].

Идея долга, связанная в романе с образом Анны Ларсен, получает свое выражение на лексическом уровне языка романа посредством частого повторения существительного «*devoir*» («долг») и прилагательного «*responsable*» («ответственный/ответственная»). Речь самой Анны также изобилует многократным повторением слов, содержащих идею долженствования или обязательства. В основном это модальные глаголы «*devoir*» («- Vous devez prendre trois kilos pour être présentable» [Ibidem, p. 24] / «- Вы должны набрать три килограмма, чтобы выглядеть более представительной»); «*falloir*» («- Il faut qu'elle travaille, ces vacances, dit Anne» [Ibidem, p. 28] / «- Ей надо заниматься, в эти каникулы, сказала Анна»); прилагательное «*responsable*» («- ...vous avez dix-sept ans, je suis un peu responsable de vous à présent...» [Ibidem, p. 52] / «- ...вам семнадцать лет, я теперь в какой-то степени в ответе за вас...»); выражение «*avoir du travail à faire*» («*быть должным* выполнять работу»): «- D'ailleurs, vous avez du travail à faire, cela occupera vos après-midi» [Ibidem] / «Впрочем, вам надо заниматься, это займёт всё ваше послеобеденное время».

На грамматическом уровне повествования идея долга, ответственности проявляет себя посредством использования форм будущего времени, преимущественно *Futur dans le passé* (будущего в прошедшем) и *Futur immédiat dans le passé* (ближайшего будущего в прошедшем), для демонстрации безоговорочного будущего, уготованного Анной для Сесиль и ее отца: «Anne était très bien... Elle me guiderait, me déchargerait de ma vie, m'indiquerait en toutes circonstances la route à suivre. Je deviendrais accomplie, mon père le deviendrait avec moi» [Ibidem, p. 48] / «Анна была очень хорошей... Она будет меня направлять, облегчать мне жизнь, в любых обстоятельствах укажет мне путь, который следует выбрать. Я стану совершенной, мой отец станет таким же вместе со мной»; «...elle allait peu à peu faire de nous le mari et la belle-fille d'Anne Larsen. C'est à dire des êtres policés, bien élevés et heureux. Car elle nous rendrait heureux» [Ibidem, p. 56] / «...мало-помалу она сделает из нас мужа и падчерицу Анны Ларсен. То есть людей цивилизованных, хорошо воспитанных и счастливых. Ибо она осчастливит нас»; «A mon tour, j'allais être influencée, remaniée, orientée par Anne. Je n'en souffrirais même pas: elle agirait par l'intelligence, l'ironie, la douceur; je n'étais pas capable de lui résister; dans six mois je n'en aurais même plus envie» [Ibidem, p. 56-57] / «В свою очередь я буду подвергнута влиянию Анны, перевоспитана ею, ориентирована. Мне не придется даже особенно страдать из-за этого: она будет действовать с умом, с иронией, с мягкостью; я была неспособна сопротивляться ей; через полгода у меня не будет к этому даже желания».

Все эти следующие одна за другой формы будущего времени в сочетании с контекстом, в который они помещены, создают впечатление безысходности: Сесиль чувствует, что она не будет свободна в выборе своих поступков в будущем («Anne...m'indiquerait en toutes circonstances la route à suivre»). Отсюда неожиданное возникшее у Сесиль состояние уныния, граничащее с отвращением, когда Анна сообщает ей новость о том, что она и Рэймон решили пожениться: «D'ailleurs, n'étais-je pas heureuse? <...> J'étais écoeurée» [Ibidem, p. 48] / «Ну что ж, разве я не была счастлива? <...> Мне было противно». Здесь мы наблюдаем инверсию *внутренних состояний* героини: пытаюсь мысленно убедить себя в том, что брак ее отца с Анной сулит ей только счастье, Сесиль в результате испытывает отвращение, что выражено в тексте прилагательным «*écoeurée*», а вопрос «D'ailleurs, n'étais-je pas heureuse?» приобретает риторически-иронический характер.

Об ироническом отношении автора к возведенным Анной в абсолют идеям долга и ответственности перед близкими свидетельствует *нравственная метаморфоза*, произошедшая с Сесиль после того, как Анна начала активно претворять эти идеи в жизнь: из легкомысленной, не задумывавшейся о серьезных вещах, в том числе и о будущем, но всё же беззлобной девушки она превращается под давлением Анны в опасную и мстительную интриганку. Начинает постоянно притворяться и лгать: «*Volontairement, je fermai les yeux, appuyai ma tête sur leurs genoux, ris avec eux, repris mon rôle*» [Ibidem, p. 48] / «Умышленно я закрыла глаза, положила голову им на колени, смеялась вместе с ними, вошла вновь в свою роль»; «*Je me dirigeai vers elle en affectant un air gêné, par pure politesse*» [Ibidem, p. 52] / «Я направилась к ней, изображая смущенный вид, просто из вежливости»; «*Quel dommage que ce fût par les voies du mensonge*» [Ibidem, p. 73] / «Как жаль, что мне приходилось действовать путем обмана»; «*J'avais déjà de beaux mensonges pour justifier mon absence*» [Ibidem, p. 89] / «У меня уже была наготове подходящая ложь, чтобы оправдать свое отсутствие».

Мысленно Сесиль разрабатывает план по избавлению от навязчивой опеки Анны и от самой Анны, что приводит девушку к внутренней *двойственности сознания*: «*Je passais par toutes les affres de l'inspection sans, pour cela, me réconcilier avec moi-même*» / «Я проходила через все муки самоанализа, *находясь* из-за этого в *разладе с самой собой*»; «Ce sentiment, pensais-je, ce sentiment à l'égard d'Anne est bête et pauvre, comme ce désir de la séparer de mon père est féroce. Mais après tout, *pourquoi me juger ainsi?* <...> la découverte d'une telle *dualité* m'étonnait prodigieusement. Je *trouvais de bonnes excuses*, me jugeant *sincère*, et brusquement *un autre «moi»* surgissait, qui s'inscrivait en faux contre mes propres arguments... *Je me débattais* des heures entières dans ma chambre pour savoir si *la crainte, l'hostilité* que m'inspirait Anne à présent se justifiaient ou si je n'étais qu'une petite jeune fille égoïste et gâtée...» / «Это чувство, размышляла я, это чувство по отношению к Анне глупо и мелочно так же, как это желание разлучить ее с моим отцом жестоко. Но, в конце концов, *почему я выношу себе такой приговор?* <...> открытие такой *двойственности* колоссально удивляло меня. Я *находила неплохие оправдания*, считая свои чувства *искренними*, и внезапно возникало *другое «я»*, опровергающее мои собственные аргументы... Я *спорила сама с собой* часами напролет в своей комнате, пытаюсь понять, могли ли *страх и враждебность*, которые внушала мне Анна, оправдать мое отношение или же я была просто избалованным и эгоистичным юным созданием...» [Ibidem, p. 59-60]; «Enfin, j'arrivais peu à peu à rendre l'atmosphère étouffante et *je m'en détestais*» [Ibidem, p. 61] / «Постепенно я, наконец, создала удушающую атмосферу и *ненавидела себя за это*».

Итак, мы можем наблюдать, как личность (в данном случае Сесиль), находящаяся в контакте с авторитарной личностью (Анной Ларсен), начинает испытывать вначале страх, враждебность («*la crainte, l'hostilité*»), затем желание избавиться от тяжелой и навязчивой опеки («*ce désir de la séparer de mon père*» / «*это желание разлучить ее с моим отцом*»). И в то же время, несмотря на естественность такого желания, подавляемая личность осознает и его жестокость, что характеризуется качественными прилагательными «*bête*» / «*глупо*», «*pauvre*» / «*мелочно*», «*féroce*» / «*жестоко*». В результате Сесиль испытывает внутренние терзания между чувствами к Анне и осознанием жестокости этих чувств, что и приводит ее к раздвоенности сознания («*une telle dualité*» / «*подобная двойственность*»). Раздвоенность эта, в свою очередь, ставит героиню перед выбором: принять будущее навязываемое Анной и полностью подчиниться ей или сопротивляться. В силу своего возраста и характера Сесиль выбирает второе. Ирония данной ситуации заключается в том, что, имея в голове, по-видимому, всё же *благие* намерения, желая Сесиль *добра*, пытаясь уберечь девушку от негативных явлений жизни, Анна, выбрав наиболее удобным методом взаимодействия с ней подавление, только искалечила ее душу.

Подвергая гипертрофированное чувство *долга* Анны иронии, автор использует приём *инверсии*. Что это значит? Мы уже отмечали выше такое свойство Анны, как чувство долга и ответственности по отношению к еще не вступившей во взрослую жизнь Сесиль, а также по отношению к ее отцу. И однако, при первом столкновении с неверностью своего будущего супруга, при первом ударе по ее непоколебимой идеальности («*Elle lui paraissait la maîtresse idéale, la mère idéale pour moi*» [Ibidem, p. 119] / «Она казалась ему *идеальной* любовницей, *идеальной* матерью для меня») – ведь ей, такой идеальной, предпочли другую женщину! – Анна тут же в слезах сбегает, бросая тех, за кого она вроде бы теперь *в ответе* («*je suis un peu responsable de vous à présent...*»). А как же пресловутое чувство долга по отношению к мужу и дочери покойной подруги? «...Pourquoi Anne nous *abandonnait-elle* ainsi, nous *faisait-elle souffrir* pour une incartade, en somme? *N'avait-elle pas des devoirs envers nous?*» [Ibidem, p. 131] / «...Почему Анна так вот *бросала* нас, заставляя страдать из-за невинной, в сущности, выходки? *Разве у нее не было обязательств перед нами?*».

Бегство Анны, взявшей на себя сначала ответственность за людей, с которыми она собиралась связать свою жизнь, а потом из-за столкновения с реальностью сразу забывшей об этом, свидетельствует, на наш взгляд, о неверии Сесиль, а значит и автора, в искренность так называемого чувства долга Анны. В данной ситуации мы можем наблюдать «переворачивание» нормы, выявление ее «ущербности», «не-истинности», по определению Е. А. Абашкиной [1, с. 13]. Используя прием инверсии, автор показывает оборотную сторону «ответственности» Анны перед Сесиль и ее отцом: «ответственная» Анна с самого начала на самом деле вовсе не была ответственной, а лишь преследовала свои матримониальные цели («*Elle avait quarante ans, elle était seule, elle aimait un homme et elle avait espéré être heureuse avec lui dix ans, vingt ans peut-être. Et moi...*» [Ibidem, p. 128-129] / «Ей было сорок лет, она была одиноким, она любила мужчину и надеялась прожить с ним счастливо лет десять, может быть двадцать. А я...»).

Инверсионной трансформации в романе подвергается и сам образ Анны Ларсен. С образом Анны, помимо идеи долга, связан также мотив женской *идеальности*. В глазах Сесиль и Рэймона Анна представляет собой идеал женщины, о чём свидетельствует наличие *качественных прилагательных*, сопровождаемых *усилительным*

наречием *«très»* («очень»), и абстрактных существительных положительной смысловой окраски при описании внешности и манер Анны: «...c'était une femme très séduisante, très recherchée, avec un beau visage orgueilleux et las, indifférent. Cette indifférence était la seule chose qu'on pût lui reprocher. Elle était aimable et lointaine. Tout en elle reflétait une volonté constante, une tranquillité de coeur qui intimidait» [Ibidem, p. 11] / «...это была женщина очень привлекательная, очень утонченная, с прекрасным лицом, гордым и утомленным, равнодушным. Это равнодушие было единственным, в чем можно было ее упрекнуть. Она была любезна и безучастна. Всё в ней выражало непререкаемую силу воли, душевную безмятежность, которая смущала». Первые признаки авторской иронии выражены в данном описании посредством глагола *«intimider»* («смущать»), имеющем также отношение к образу Анны. Всё в ней прекрасно и совершенно, вот только от совершенства ее разит холодом, в душе ее нет теплоты, ей чужда обыкновенная человечность, что и выражено существительными *«indifférence»* / «равнодушие» и *«une tranquillité de coeur»* / «душевная безмятежность». Поэтому от совершенства Анны становится как-то не по себе, оно «смущает». Выражение *«une volonté constante»* («непререкаемая сила воли»), само по себе несущее положительный смысл, в контексте данной фразы претерпевает своего рода смысловую инверсию: обозначая качество характера, присущее в большей степени мужчинам, нежели женщинам, лишает «идеальный» образ Анны Ларсен самого главного – женственности. Ирония сквозит в восприятии образа Анны семнадцатилетней Сесиль, которой сложно воспринимать Анну как женщину, ибо женщине по природе своей свойственна слабость, а у Анны слабостей нет: «Je n'avais jamais pensé à Anne comme à une femme, mais comme à une entité: j'avais vu en elle l'assurance, l'élégance, l'intelligence, mais jamais la sensualité, la faiblesse...» [Ibidem, p. 49] / «Я никогда не думала об Анне как о женщине, но как о некоей сущности: я видела в ней уверенность, элегантность, ум, но никогда чувственности, слабости...». Абстрактное существительное с неопределенным артиклем и таким же неопределенным значением *«une entité»* («некая сущность»), которым Сесиль определяет Анну, подчеркивает безликость образа Анны: перед нами некая сущность, холодная, равнодушная, с набором, в большинстве своем, неженских качеств (*«une volonté constante»* / «непререкаемая сила воли», *«l'assurance»* / «уверенность», *«l'intelligence»* / «ум», *«l'indifférence»* / «равнодушие»).

На примере образа Анны Ларсен мы можем наблюдать инверсию идеальности. Так, ради достижения своей цели – выйти замуж за отца Сесиль («...elle avait voulu mon père...» / «...она хотела моего отца...») – целеустремленная и привыкшая добиваться своего Анна хладнокровно, с присущим ей равнодушием, устраняет со своего пути глупенькую и наивную Эльзу. Причём делает это очень ловко, с тонким расчётом: «Ce qui m'étonna le plus, les jours suivants, ce fut l'extrême gentillesse d'Anne à l'égard d'Elsa. Elle ne prononçait jamais, après les nombreuses bêtises qui illuminaient sa conversation, une de ses phrases brèves dont elle avait le secret et qui aurait couvert la pauvre Elsa de ridicule. <...> je ne me rendais pas compte que l'habileté y était étroitement mêlée. Mon père se serait vite lassé de ce petit jeu féroce. Il lui était au contraire reconnaissant et il ne savait que faire pour lui exprimer sa gratitude» [Ibidem, p. 30] / «Что более всего удивило меня в последующие дни, так это чрезмерная любезность Анны по отношению к Эльзе. Она никогда не произносила в ответ на многочисленные глупости, которыми блистал разговор Эльзы, одну из тех ёмких фраз, которые она одна умела произносить так, что они покрыли бы бедную Эльзу позором. <...> я не понимала, насколько тесно с такой любезностью переплеталась ловкость. Мой отец очень быстро устал бы от этой жестокой мелочной игры. Он был, наоборот, очень признателен Анне и не знал, как выразить ей свою благодарность». Вот так у «безупречной» Анны, кроме единственного недостатка – равнодушия к людям, обнаруживаются еще отрицательные качества: хитрость, расчётливость, эгоизм.

Эгоизм Анны проявляется в данной ситуации в том, с каким равнодушием она восприняла этическую сторону сделанного ею: ей, видимо, и в голову не пришло, что Эльза могла искренне любить отца Сесиль и, следовательно, будет страдать. Пронаблюдаем поведение Анны, находящейся в машине с отцом Сесиль и разговаривающей с девушкой, на уровне жестов и мимики. Рука Рэймона уже обнимает плечо Анны. И Анна, и Рэймон «едва посмотрели» на Сесиль, поймавшую их с поличным: «...ils me regardèrent à peine» [Ibidem, p. 41] / «...они едва взглянули на меня». На замечание Сесиль о том, что «Эльза повсюду их ищет уже целый час» («Elsa vous cherche partout depuis une heure»), Анна соизволила «медленно», «с неохотой», повернуть голову к Сесиль: «Anne tourna la tête vers moi, lentement, comme à regret...» [Ibidem] / «Анна медленно, словно нехотя, обернулась ко мне». На возмущение Сесиль поведением отца и Анны по отношению к Эльзе Анна вновь принимает *скучающий, пресыщенный* вид и оборачивается к Рэймону, давая откровенно понять, что такие нюансы ее не интересуют: «Anne s'était retournée vers lui, l'air lassé» [Ibidem, p. 42] / «Анна вновь обернулась к нему со *скучающим видом*». Из себя Анну выводит замечание Сесиль о том, что ее отец попросту нашел другую женщину для постели («...mon père a trouvé une autre dame avec qui coucher...» / «...мой отец нашел другую даму, чтобы спать с нею...»): она дает Сесиль пощечину («L'exclamation de mon père et la gifle d'Anne furent simultanées. Elle m'avait fait mal» [Ibidem] / «Одновременно прозвучали восклицание моего отца и пощечина Анны. Она причинила мне боль»). Жест, который опять же как-то не очень гармонирует с образом «идеально-утонченной» («recherchée») Анны. Как видим, методы воздействия Анны на окружающих ее людей совсем не отличаются утонченностью. Более того, сам этот жест («la gifle d'Anne» / «пощечина Анны») вскрывает истинную сущность Анны как личности, стремящейся к доминированию над другими, что само по себе составляет *антитезу женственности*.

На речевом уровне равнодушие Анны к дальнейшей судьбе только что брошенной Эльзы доходит до откровенного цинизма. Хладнокровно поставив Сесиль перед фактом случившегося («- Nous rentrons» / «- Мы возвращаемся»), она предлагает Сесиль и Эльзе свою машину, чтобы вернуться домой, когда они «повеселятся вволю»: «- Quand vous vous serez assez amusées, vous rentrerez avec ma voiture» [Ibidem, p. 42] / «- Когда

вы *волю навеселитесь*, то вернетесь на моей машине». Цинизм первой части высказывания («- *Quand vous vous serez assez amusées*» / «- Когда вы *волю навеселитесь*») оказалась способна постичь на эмоциональном уровне юная, несмышленная Сесиль, но не «умная», умудрённая жизненным опытом Анна:

«...je ne trouvais plus mes mots.

- *Quand on se sera assez amusées! Mais vous ne vous rendez pas compte! C'est dégoûtant!*

- *Qu'est-ce qui est dégoûtant?»* [Ibidem] /

«...я больше не находила слов.

- *Когда мы волю навеселимся! Но вы не отдаёте себе отчет! Это отвратительно!*

- *Что отвратительно?»*.

В заключение Анна отговаривается несколькими общепринятыми в подобных ситуациях дежурно-вежливыми, лапидарными фразами, предоставив Сесиль самой объясняться с Эльзой: «...je suis désolée pour Elsa. Mais vous êtes assez délicate pour arranger cela au mieux. Demain nous nous expliquerons» [Ibidem, p. 43] / «...мне жаль, что с Эльзой так получилось. Но у вас хватит деликатности, чтобы уладить это. Завтра мы объяснимся».

А теперь пронаблюдаем операцию *инвертирования ситуации* в романе и сравним только что описанную выше сцену со сценой, где Анна узнаёт об *обратной* измене Рэймона уже ей, Анне, с некогда обманутой им же Эльзой: «C'est alors qu'Anne apparut; elle venait du bois. Elle courait, mal d'ailleurs, maladroitement... J'eus l'impression que c'était une vieille dame qui courait, qu'elle allait tomber» [Ibidem, p. 128] / «В тот момент показалась Анна; она шла из леса. Она бежала, но плохо, неловко... У меня создалось впечатление, что бежала старушка, которая вот-вот упадет»; «Elle se redressa alors, décomposée. Elle pleurait» [Ibidem] / «Тогда она выпрямилась, с искаженным лицом. Она плакала»; «Les larmes roulaient inlassablement sur son visage. Elle ne semblait pas s'en rendre compte...» [Ibidem, p. 129] / «Слезы безостановочно катились по ее лицу. Казалось, она не отдавала себе в этом отчет...». Итак, автор помещает героинь в противоположные ситуации, меняет их местами, в результате чего мы можем наблюдать *инверсию их чувств*. Если в *первой* сцене (Рэймон бросает Эльзу ради Анны) речевое и неречевое поведение Анны описывается при помощи лексики, выражающей холодно-безразличное отношение к страданиям другого человека, а поведение Эльзы – посредством лексики, выражающей страдание («regarder sans répondre» / «смотреть, не отвечая»; «pleurer» / «плакать»; «tristement» / «печально»; «redoubler ses sanglots» / «зарыдать с удвоенной силой» [Ibidem, p. 43]), то во *второй* сцене (Рэймон изменяет Анне с Эльзой) для описания действий Анны используется лексика, выражающая идею страдания («mal» / «плохо», «maladroitement» / «неловко», «tomber» / «падать», «décomposée» / «с искаженным лицом», «pleurer» / «плакать», «les larmes» / «слезы», «rouler inlassablement» / «катиться безостановочно» [Ibidem, p. 129]), а действия и речевые характеристики Эльзы выражают радость победы («le visage triomphant» / «с торжествующим лицом», «délices de l'idylle» / «идиллические наслаждения», «son intonation admirative» / «ее восхищенная интонация» [Ibidem, p. 125-126]).

Не менее серьёзному и драматическому для персонажей переосмыслению при помощи авторской иронии посредством инверсии подвергается в романе понятие «l'intelligence» («ум»). В романе это свойство неоднократно приписывается Анне: «...elle fréquentait des gens fins, intelligents...» [Ibidem, p. 12] / «...она встречалась с людьми утонченными, умными...»; «Elle est trop intelligente, elle se respecte trop» [Ibidem] / «Она слишком умна, она слишком себя уважает»; «une femme de tête» [Ibidem, p. 29] / «умная женщина»; «Je pensai qu'elle avait raison...» [Ibidem, p. 33] / «Я подумала, что она была права...»; «...j'avais vu en elle l'assurance, l'élégance, l'intelligence...» [Ibidem, p. 49] / «...я видела в ней, уверенность, изящество, ум...»; «...elle agirait par l'intelligence...» [Ibidem, p. 56] / «...она будет действовать с умом...»; «Mais c'est Anne, l'intelligente Anne...» [Ibidem, p. 60] / «Но это же Анна, умница Анна...»; «...je me rends très bien compte qu'Anne a toujours raison» [Ibidem, p. 94] / «...я вполне отдаю себе отчет в том, что Анна всегда права». Если посмотреть на значение слова «l'intelligence», то во французском словаре мы найдем несколько его значений:

- 1) «faculté de connaître, de comprendre» (способность познавать, постигать (понимать));
- 2) «compréhension» (понимание);
- 3) «aptitude à s'adapter» (способность проявлять гибкость в разных ситуациях, применяться к обстановке);
- 4) «accord de sentiments, connivence» (согласие в чувствах, соучастие, сопереживание) [6, p. 357].

Пронаблюдаем теперь на конкретных ситуациях в романе, обладает ли Анна Ларсен хотя бы одной из вышеперечисленных способностей. Проанализированная выше сцена, в которой Анна выразила полное равнодушие к страданиям брошенной Рэймоном Эльзы, показала, что способность сопереживать, как одно из проявлений ума (ибо для этого необходимо уметь понимать чувства другого человека), Анне отнюдь не свойственна. Способность проявлять гибкость в разных ситуациях («aptitude à s'adapter») требует умения идти на компромиссы, принимать чужие взгляды, переосмысливать при необходимости собственные представления. Анна же довольно чётко сама себя характеризует как «intransigeante» / «категоричную», «неуступчивую» («...je n'aurais peut-être pas dû être si intransigeante...» [7, p. 81] / «...мне не следовало, наверное, быть столь категоричной»), то есть как личность, не приемлющую никаких уступок. Сесиль, находясь в постоянном контакте с Анной и хорошо изучив ее, определяет ее как «autoritaire» («elle est autoritaire» [Ibidem, p. 60] / «она властная»), то есть «властную», требующую безоговорочного подчинения и «не терпящую никаких компромиссов»: «Comme certains êtres très mesurés dans leurs réactions, très sûrs d'eux, Anne ne tolérerait pas les compromissions» [Ibidem, p. 91] / «Как некоторые очень осмотрительные в своих реакциях, очень уверенные в себе люди, Анна не терпела компромиссов».

И, наконец, говоря о способности понимать или познавать что-либо или кого-либо («faculté de connaître, de comprendre»), как еще об одном проявлении ума, следует обратить внимание на такое качество Анны, как

нежелание касаться внутреннего мира другого человека, *нежелание «задавать вопросы»*, затрагивающие *внутреннее состояние*: «...elle ne me posa pas de questions, elle n'en posait jamais» [Ibidem, p. 89] / «...она не задала мне вопросов, она их никогда не задавала»; «Il fallait qu'elle me harcèle de questions, qu'elle me force à tout lui raconter. <...> ainsi je ne serais plus infestée de ces sentiments acides et déprimants. <...> jamais elle ne penserait à me questionner, à me délivrer parce que l'idée ne l'effleurait pas et qu'elle estimait que cela ne se faisait pas» [Ibidem, p. 63] / «Ей нужно было забросать меня вопросами, заставить меня всё ей рассказать. <...> так я избавилась бы от этих разъедающих и угнетающих меня чувств. <...> но она никогда и не подумает о том, чтобы расспросить меня, освободить меня, потому что эта мысль не придет ей и в голову, и потому что она считала, что так не делается». А ведь именно в стремлении задавать вопросы и заключается стремление познать. Познать, чтобы понять. Отсутствие у Анны желания задавать вопросы Сесиль по поводу ее протестного поведения свидетельствует, таким образом, об отсутствии желания, а может быть и умения, понимать человека, за которого она вроде бы чувствует себя в ответе. Если Анне и случается задавать вопросы, то это, в основном, конкретные вопросы о конкретных явлениях внешнего мира, относящиеся, скорее, к области реальных потребностей: « - Où est le maître de maison? » / « - Где хозяин дома? »; « - Il a amené Elsa Mackenbourg ici? » [Ibidem, p. 16] / « - Он привез сюда Эльзу Макенбург? »; « - Cécile, vous ne mangez pas? » [Ibidem, p. 24] / « - Сесиль, вы не едите? »; « - Cécile, pourquoi vous levez-vous si tôt ici? » [Ibidem, p. 27] / « - Сесиль, почему здесь вы встаете так рано? »; « - Et votre examen? » [Ibidem, p. 28] / « - А ваш экзамен? ». В данных примерах мы наблюдаем синтаксическую структуру, отличающуюся лапидарностью и точностью, свойственную большинству высказываний Анны. Никакой неопределенности: «Anne accordait toujours aux choses leur importance exacte» [Ibidem, p. 63] / «Анна всегда придавала вещам их конкретную значимость». Как можно увидеть из содержания вопросов (о еде, о режиме дня, об экзамене), внутренний мир человека Анну не интересует, поэтому он ей и недоступен: «Il y avait des choses qu'elle ne comprenait pas, Anne» [Ibidem, p. 72] / «Были вещи, которых она не понимала, Анна». Еще одна трагическая инверсия: Сесиль повторяет мысль, высказанную ранее, в начале романа, самой Анной о Сесиль и ее отце: « - C'est autre chose, disait Anne. Il y a la tendresse constante, la douceur, le manque... Des choses que vous ne pouvez pas comprendre » [Ibidem, p. 33] / « - Это другое дело, говорила Анна. Существует бесконечная нежность, мягкость, потребность... Вещи, которых вы не можете понять ». Так, посредством инверсий, автор создаёт и проводит через весь роман мотив взаимного непонимания, мотив невозможности компромисса между героинями, что и приводит к трагическому финалу. Отсутствие интереса к внутреннему миру другого человека не говорит, однако, об отсутствии интеллекта у Анны вообще (она обладает практическим складом ума, отсюда и ее постоянная устремленность в будущее), но свидетельствует о ее некоторой духовно-мыслительной ограниченности. На примере двух противоположных образов – юной Сесиль и умудренной жизненным опытом Анны – можно наблюдать инверсию их определений: Сесиль, в которой окружающие (и в первую очередь Анна) видят лишь неразумное, неопытное, а потому глупенькое существо, не желающее жить по общепринятым правилам («...Anne ne me considérait pas comme un être pensant» [Ibidem, p. 36] / «...Анна не воспринимала меня как мыслящее существо»; « - Ne vous compliquez pas la vie, dit Anne. Vous... qui n'avez pas de tête, vous devenez cérébrale et triste. Ce n'est pas un personnage pour vous. - Je sais, dis-je. Moi, je suis le jeune être inconscient, plein de gaieté et de stupidité » [Ibidem, p. 64] / « - Не усложняйте себе жизнь, сказала Анна. - Вы..., у которой совсем нет благоразумия, становитесь рассудительной и печальной. Этот образ не для вас. - Знаю, сказала я. - Я юное неразумное существо, у которого в голове лишь веселье да глупости») впоследствии проявляет себя как очень тонкий и глубокий психолог, оказавшись куда более дальновидной, чем «благоразумная» Анна. Такая же ироническая инверсия, своего рода *этический оксюморон*, содержится в рассуждениях Сесиль по поводу ее собственных умственных способностей: «J'avais peut-être des possibilités intellectuelles... N'avais-je pas mis sur pied en cinq minutes un plan logique, méprisable, bien sûr, mais logique» [Ibidem, p. 72] / «Возможно, у меня всё же были некоторые умственные способности... Разве не организовала я за пять минут вполне логичный план, безусловно достойный презрения, но всё же логичный». Здесь в одной фразе мы наблюдаем сочетание плохого, выраженного прилагательным «*méprisable*», и хорошего – «*logique*». С целью заставить Анну отказаться от ее матримониальных планов Сесиль разрабатывает хоть и безнравственный по своей сути, но зато весьма логичный, основанный на верных психологических расчётах план: «J'étais l'âme, le metteur en scène de cette comédie. Il était toujours amusant d'essayer, de voir si mes calculs psychologiques étaient justes ou faux» [Ibidem, p. 79] / «Я была душой, режиссером этой комедии. Было всё время забавно пробовать свои силы и наблюдать, верны или нет мои психологические расчёты». В данных примерах звучит прямая ирония над логикой и интеллектом: «*comédie*» («комедия»), «*amusant*» («забавно»), «*méprisable, mais logique*» («достойный презрения, но логичный»). «Юная», «неразумная» Сесиль обнаруживает в себе неисчерпаемый запас интеллектуальных возможностей, к чему, собственно, и пытается подвигнуть ее Анна, заставляя заниматься философией («...je crois qu'il serait bon qu'elle travaille un peu sa philosophie» [Ibidem, p. 54] / «...я думаю, было бы неплохо, если она поработает над философией»), но лишь для того, чтобы использовать эти возможности против самой Анны: «C'était déjà sur Anne que je m'attendrissais, comme si j'avais été sûre de la vaincre» [Ibidem, p. 58] / «Теперь я жалела только Анну, словно заранее была уверена в своей победе над ней». Используя такую своеобразную инверсию, автор пытается донести до читателя мысль о *приоритете взаимопонимания* между тем, кто берет на себя ответственность за другого, и тем, кого берут под опеку. Перед нами сложная тема взаимоотношений старших и младших, детей и родителей. Главное в этих взаимоотношениях – не доминирование старшего над младшим, «разумного» над «неразумным», опытного над неопытным, а умение «достучаться» до чувств и

мыслей того, за кого мы чувствуем себя в ответе. Для Анны же внутренний мир другого человека с его мыслями и чувствами – явление непредсказуемое, не поддающееся законам логики, противоречивое. Сесиль для нее «непостижима» (*incroyable*): «- Vous êtes *incroyable*, dit-elle» [Ibidem, p. 71] / «- Вы *непостижимы*, сказала она». Ирония данной ситуации заключается еще и в том, что с такой неординарной личностью, как Сесиль, Анна предпочла взаимодействовать *ординарным, стереотипным* методом подавления.

«Парную и симметричную», по определению С. Лема [4, с. 284], *инверсию* в романе (Е. А. Абашкина называет такие структуры «бинарными» [1, с. 13]) мы можем наблюдать в *психологическом смещении мотиваций* героинь: сначала Анна пытается заставить Сесиль жить и мыслить по своим правилам – заниматься летом, чтобы сдать экзамен осенью; не встречаться с молодым человеком, ибо это может привести к нежелательным последствиям; начать думать о будущем; перестать общаться с людьми, которые не нравятся Анне. В романе это выражается на *грамматическом* уровне текста:

1) в использовании фактивного залога либо глаголов или глагольных выражений, содержащих значение принуждения: «- ...je ne vous *laisserai pas gâcher* votre vie» [7, p. 52] / «- ...я не *позволю* вам *загубить* свою жизнь»; «...elle *m'empêchait de m'aimer moi-même*» [Ibidem, p. 56] / «...она *мешала мне любить себя*»; «Quand je parlais avec Anne, <...> elle seule *me mettait toujours en question, me forçait à me juger. Elle me faisait vivre des moments intenses et difficiles*» [Ibidem, p. 112] / «Когда я разговаривала с Анной, <...> только она *заставляла меня всегда в себе сомневаться, вынуждала судить себя. Она заставляла меня переживать моменты тяжелые и напряженные*»;

2) на уровне субъектно-объектных отношений в приведенных выше высказываниях, в которых местоимения-подлежащие, обозначающие Анну («elle» / «она», «je» / «я»), выражают субъекта действия и занимают доминирующую позицию, в то время, как местоимения-дополнения («me» / «меня», «vous» / «вам» (Сесиль) – подчинительную, это - объект действия.

В конце романа уже Сесиль, в процессе общения с Анной претерпевающей нравственную метаморфозу, делает всё возможное для того, чтобы «заставить» Анну «понять и принять» *их с отцом* «концепцию жизни»: «Je ne pouvais supporter le mépris dont Anne entourait notre vie passée, ce dédain facile pour ce qui avait été mon père, pour moi, le bonheur. Je voulais non pas l'humilier, mais *lui faire accepter* notre conception de la vie. Si elle voulait à tout prix avoir raison, *il fallait qu'elle nous laissât avoir tort*» [Ibidem, p. 121-122] / «Я не могла выносить то презрение, которым Анна окружала нашу прошлую жизнь, то легкое пренебрежение к тому, что составляло для моего отца и для меня счастье. Я желала не унижить ее, а *заставить принять нашу* концепцию жизни. Если она хотела быть правой любой ценой, *нужно было, чтобы она оставила за нами право быть виновными*». Из подавляемой Сесиль превращается в подавляющую, подчиняющую своей игре и воле всех, кто ее окружает, в том числе и Анну. Вот только становится она еще более опасной, чем Анна, потому что ведет скрытую игру. Здесь происходит не только смена ролей и ситуаций, но и характеров, и даже концепций: явно авторитарная, властолюбивая, но всё же желающая своей будущей падчерице добра Анна начинает выглядеть просто ангелом по сравнению с безобидной и легкомысленной, на первый взгляд, Сесиль. Смещается также и восприятие этих двух образов: если на первых страницах сочувствие вызывает Сесиль, лишенная, по воле Анны, радостей летнего отдыха, то в конце всё наоборот.

Следует также отметить наличие в романе «*круговой*» *инверсии*, то есть инверсии «замыкающейся в круг» [4 с. 307-308]. На протяжении всего действия романа Сесиль неоднократно признается в том, что она «боится» Анны, боится ее вечного неодобрения и авторитарности: «...effectivement *j'avais un peu peur d'elle*» [7, p. 48] / «...действительно, *я немного боялась ее*»; «...son beau masque de mépris, ce visage de lassitude et de *désapprobation* qui <...> *me faisait un peu peur*» [Ibidem, p. 52] / «...ее прекрасная маска презрения, это равнодушное и *неодобрительное* выражение лица, которое <...> *внушало мне некоторый страх*». Но и внушающая почтительный страх Анна тоже «боится», боится собственной авторитарности и, в особенности, ее воздействия на будущую падчерицу: «- *J'avais un peu peur de vous*, dit Anne. – Pourquoi? demandai-je. – *Je craignais que vous n'ayiez peur de moi*, dit-elle...» [Ibidem, p. 48] / «- *Я немного боялась вас*, - сказала Анна. – Почему? спросила я. – *Я опасалась*, как бы вы *не стали бояться меня*, - сказала она...». Анна не хочет внушать страх, но она его внушает и потому боится сама того, кому внушает страх. Такая круговая замкнутость инверсии в романе не случайна. Она также служит выражению авторского замысла: авторитарность Анны, методы постоянного порицания и подчинения, выбранные ею для взаимодействия с будущей падчерицей, отсутствие желания поговорить с Сесиль «по душам», распросить ее, всё это приводит Анну в тупиковую ситуацию, образуя «порочный круг».

У Ф. Саган инверсия является признаком нестабильности межличностных отношений, невозможности проникновения в сознание друг друга, взаимного непонимания, духовно-мыслительной ограниченности персонажей. Герои Ф. Саган даже не стремятся понять друг друга: они с завидным упорством, невзирая на различные инвертированные ситуации, в которые ставит их автор, цепляются за свои устоявшиеся моральные ценности (Анна – за свое чувство долга, ответственности, практическую пользу, Сесиль – за безоглядное наслаждение жизнью). Других вариантов или других смыслов они не приемлют. В «ситуацию смены смыслов» [1, с. 14] автор вводит читателя, а не героев. Героям не дано постичь эту смену, но дано читателю, наблюдающему инвертированные ситуации в романе как бы «со стороны». Возможно, наполняя свой роман такого рода инвертированными ситуациями, инвертированными психологическими состояниями, инвертированными, неоднозначными восприятиями, Ф. Саган апеллировала к сознанию читателей старшего поколения, читателей-родителей, пытаясь довести до их сознания следующие мысли, своего рода заповеди: «Бойтесь внушать страх кому бы то ни было, а в особенности собственным детям! Чаще разговаривайте

с детьми, расспрашивайте их об их внутреннем состоянии! Не оставляйте их один на один с их внутренними конфликтами! При необходимости найдите в себе внутренние силы пересмотреть собственные устоявшиеся представления!» Принцип инверсии в романе Ф. Саган направлен на побуждение читателя к пересмотру раз и навсегда определенных понятий и переоценке устоявшихся ценностей.

Список литературы

1. **Абашкина Е. А.** Инверсия как принцип организации текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (27). Ч. II. С. 13-16.
2. **Ахиезер А. С.** Феномены инверсии, медиации, раскола и срединной культуры // Россия: критика исторического опыта: социологический словарь. М., 1991. Т. III. С. 116-120.
3. **Беляк Н. В., Виротайнен М. Н.** «Моцарт и Сальери»: структура и сюжет // Пушкин: исследования и материалы / РАН; Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб.: Наука, 1995. Т. 15. С. 109-121.
4. **Лем С.** Фантастика и футурология: в 2-х кн. М.: АСТ: ХРАНИТЕЛЬ, 2008. Кн. 1 / С. Лем; пер. с пол. С. Н. Макарецца; под ред. В. И. Борисова. 591 с.
5. **Чагинская Е. А.** От слова к образу: юродивый как инверсия соблазна // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2008. № 1 (1). Ч. II. С. 143-159.
6. **LAROUSSE:** Dictionnaire Noms Communs Noms Propres. Paris, 1995.
7. **Sagan F.** Bonjour, tristesse!: roman (Саган Ф. Здравствуй, грусть!: роман / на франц. яз.). М.: Издательство «Менеджер», 2004. 144 с.

LEXICAL-GRAMMATICAL CHARACTERISTICS OF INVERSION IN NOVEL "HELLO, SADNESS!" BY F. SAGAN AS AUTHORIAL IRONY EXPRESSION WAY

Lisnik Marina Vladimirovna, Ph. D. in Philology
Ivanovo State University
marinalisnik@mail.ru

–Inversion” notion content as a literary category, as a principle functioning in the work of fiction is revealed in the article. Inversion method is researched in the article in respect to the novel –Hello, Sadness!” by the French writer Françoise Sagan. The author of the article pays special attention to the linguo-stylistic analysis of the lexical-grammatical characteristics of inversion principle in the novel with the purpose of authorial irony expression ways revelation.

Key words and phrases: inversion; authorial irony; initial position change; –anti-situations”; sense meanings shift; reconsideration.

УДК 81'221

Филологические науки

Статья посвящена одному из элементов невербальной коммуникации – плачу. Выявлены его основные характеристики, функции и причины появления в процессе общения. Данный феномен рассматривается в контексте аномальной коммуникации. В ходе исследования отобраны языковые описания этого феномена, проведен лингвостатистический анализ. Особое внимание уделено образам, используемым в сравнительных конструкциях с глаголами «плакать», «рыдать», «реветь».

Ключевые слова и фразы: невербальная коммуникация; аномальная коммуникативная ситуация; коммуникативная аномалия; плач; смех.

Мартынова Елена Михайловна, к. филол. н., доцент
Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации
lm1973@mail.ru

ПЛАЧ И ЕГО ОПИСАНИЕ В РАМКАХ АНОМАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ®

Невербальная коммуникация представляет собой сложный комплекс взаимосвязанных элементов, которые оказывают подчас невидимое, но значительное воздействие на успех коммуникации. Плач – один из наиболее эксплицитно выраженных в процессе общения компонентов паралингвистики. Его появление в коммуникации может свидетельствовать о наличии коммуникативной аномалии – событии, приводящем к отклонению коммуникативной ситуации от благоприятного для коммуникантов развития.

Согласно определению, глагол *плакать* означает: «1) проливать слезы (от обиды, горя, боли и т.п.); 2) горевать, сожалеть по поводу чего-л., испытывать неприятности, затруднения» [2].

Слезы служат символом страданий, мольбой о помощи в преодолении проблемы. Д. Коттлер предположил, что люди – единственные млекопитающие, которые плачут, потому что беспомощны и зависят от родителей